

Наталия ЧЕРНЫХ

Наталия Черных родилась в 1969 году в Челябинске-65 (ныне Озерск). Училась во Львове и в Москве. С 1987 года живет в Москве. Публикации в журналах «Воздух», «Новый мир», «Знамя», «НЛО» и др. Автор нескольких книг поэзии и прозы сборников. В «Волге» печаталась поэзия, проза, критика, эссеистика (с 2009 года).

СПЕЦСЛУЖБА

1

Вербовка

В то злое лето на широком ветре,
На бесшабашной набережной Москвы,
Мороженым закат растаял блеклый,
Мы липкими казались. Как не-мы.
Я влюблена. Когда не влюблена?
И он просил. Когда он не просил.
Но то поистине и глупо, и печально,
Что связи не виднелось окончание.
И я жила, зазря раскалена,
И не у дел, и не у вышних сил.
Он мне сказал, что жизнь моя – вагина.
Я знаю это лучше. И не сгину.
Моя судьба свободна – и в цепях,
А мне билет пора бы выдать нах.
Есть люди. Он читал их имена.
Но никого не знает. Их найти
На всей земле могла бы я одна.
Но я искать не стану, и прости.
Здесь служба не кончается. И вот
Как в старой песне – новый поворот.
Я помню в девяностом Крымский мост.
В то злое лето я стояла в рост.
Да, я всегда подвержена вербовке.
И напишу о том в подзаголовке.

2

Первое задание

Пот и котлеты школьные сглотив,
Я в чашке чай завариваю крепкий.
Вот фото, вот лицо великой лепки.
Он был актер, покуда не заснул.
И все перечеркнулось вмиг. Не я
В роскошном окончании сентября
Среди мальтийских пальм иду на мол.
Да, я тебя любила. Ты ушел,
И навсегда. Хотя бы знать, что жив.
Я шлем для энцефалограммы, весь из жил.

Я не узнаю, жив ты или мертв.
Ты весь во мне. Ты тщательно мной стерт.
Да, я люблю. Но в мире есть работа
И есть мой труд. И мне его охота.
Мне нравится подумать об охоте.
Сезон уже открыт. Объект на взлете.
Калифорнийских пальм и пальм испанских
Мне только снилось жаркое пространство.
И вот теперь я по нему иду,
Бессрочному подвержена труду.
Здесь все не так. Со вкусом Буратино
Идет волной воспоминаний тина.

3

Воспоминания об учебе

Исчадие хорошей подготовки,
Я равно склонна к фаршу и морковке.
Но чаще вспоминаю третий класс,
Где не было меня, а много – нас.
Ваганов, Щербаков и Макаруч,
Вы живы ли, и знать я не хочу.
Ваганов Слава был из отстающих,
однако же из правильных и пьющих.
Что ты прошел за все десятилетия?
Ответа нет, а здесь другая этика.
Изящный гений Владик Щербаков
Наверно программист, и был таков.
Есть интуиция, что Владик просто спился.
Я помню лица. Мне никто не снится.
У классной на коленях мел белел.
Ваганов с места громко просопел,
Что изважюкалась, мол, вся как хрюля. После
Ему без предварительных вопросов
Так классная уверенно сказала:
Да, в меле я. А ты закрой хлебало
И промолчи, где нужно. Это важно,
Чтоб оставаться смелым и отважным.
Мы не хотели взрослых разговоров,
Но мы выросли искренне и скоро.
Влад Щербаков любил команду «Альфа»,
И песню их, Есенина стихи.
Он слушал злую музыку. Однако
Отличника как око берегли.
Толстяк веселый Витя Макаруч
Не раз был приведен в медпункт к врачу.
Во все лицо горела надпись: братцы,
Раз жизни нет, так дайте хоть подрасться.
А жизнь тем временем была совсем нескучной.
Мы дети были. Что не значит – лучше.
Итак, на встречу нужно полчаса.

И темная в работе полоса.
И пальмы в странном мареве заката.
А вы давно и правильно женаты.
У вас вторичных выгод есть пакет.
И соцпакет. Гарантии лишь нет.
Я выросла на хумусе провала.
Я плохо сплю. Вернее, очень мало.
Потом, в плену отходняка не от работы,
Я что-то сделаю. Не хоть бы что, а что-то.
Мне нравится, что я не человек.
Я снег. Следов не оставляет снег.

4

Любовь

Тыходишь в сны, когда захочешь. Мне,
С приличным опытом хранения вещей во сне,
И с Кастанедой в девяностом на лотке,
Приятно без тебя и налегке.
Но линии и цвет порой подводят.
Здесь много их, и все они подходят,
И все они похожи на тебя.
В роскошном окончании сентября
И в танце пальм я вижу тело это.
Твое. Здесь все твое, из тьмы и света.
Люблю стрелять. А я могу представить,
И мне пока не изменяет память,
Что я хотела быть стрелком с рожденья.
И вот теперь рука есть продолженье
Оружия, а не наоборот.
Я хорошо стреляю. Мне везет.
Оружие само находит цель,
Рука плывет к нему. Но может сесть на мель.
Во избежание промахов и мелей
Я не смотрю в глаза коварной цели.
Я знаю только то, что ты приснишься,
Что мы увидимся. Что ты все это слышишь:
Мой бред, мою бессонницу и страх,
Мои дары, и мой успех и крах.
В отечестве молчанка о героях.
Ни боль, ни слезы от тебя не скроешь.
На пенсии я буду отсыпаться.
И это повод чаще нам встречаться,
Покуда я не перейду черту.
Не здесь какую-то – единственную ту.
Все вздор. И при любом раскладе сон
Кошмарно тонок, густонаселен,
Спокойные периоды нечасты.
И Кастанеда склеивает ласты.
Без фарса жизнь – одна сплошная ложь.
Ты это знаешь. Ты меня поймешь.

Тот, кто со мной работу начал там,
Лишь копия. Тебя я не отдам.

5

Успех

Та девочка в очках из высшей школы
Не знала, что такое бегать голой
По утренним районам городка.
Она не глупая, а только лишь слегка.
Мы вместе за столом сидели с пищей.
Я как-то ей сказала: ты не слышишь.
Я велика, как смерть и нищета,
Огромна так, что кажется – пуста.
Такого слова можно испугаться.
Та девочка не думала сдаваться,
Она сказала: ты всерьез считаешь,
Что гений ты. Но ты не понимаешь,
Что ты не гений. В этом есть ошибка.
Ответом ей была моя улыбка,
Какая-то. Не радостная – точно.
И вот теперь сложилось, как нарочно,
Как дети думают и говорят,
Пасьянс или быть может звукоряд,
И партия моя выходит с блеском.
И я к ней – лишь незначущим довеском.
Везение коварно и смешно.
Оно как скользкое под ноги плотно
Ложится там, где нет уже тебя.
Но я всегда работаю любя.
И этот человек, и эта запись
Уже со мной, плодовой ветви завязь,
И вот уж голос нового канала
Швартуется у нашего причала.
Есть связь, а это главное. И деньги.
Они всегда зеленые растения.
Мне сообщили, что благодарят.
Но сердце собралось в ночной наряд.
Мелодия удачи, звуки бала
Есть вестник очень скорого провала.
Но есть и передышка. Я беру,
Как бы работу на дом, новую игру.

6

Провал

Парнишки из чужой разведки в клубе
Горланили нелепые стихи
И даже взяли слэм. Они меня и взяли.
Разведка любит интеллектуалов.

Их разговор был маленький и скучный.
Они из тех рыбешек сетевых,
Что любят свой почти что средний рейтинг,
Имеют хайп на небольшом пространстве
И перебиваются Ай Ти.
Их взгляды широки и либеральны,
Хотя по сути — нацики они.
Разведка
Для них компьютерная игра.
Я это поняла уже в машине.
Они агента загребли, меня,
Но чей агент я, что я выполняю,
Или я спящий — было все равно.
Как хорошо, что я не спать умею
И научилась вежливо хамить.
И, наконец, мне дали мой звонок.
Удолбанная вусмерть сразу всем,
Я все же профи, я смогла сказать,
Что я жива и все держу в порядке,
А та страна согласна на обмен.
Что я за рыба. Седина и возраст,
Лень прибывает, как волна в прилив,
Вот только навыки. Да, навыки и люди.
А новичкам пока что невдомек
Что значит опыт — ничего не значит
Для дилетанта. Саморазрушение,
И то нуждается в чужом белье,
Тем более разведка.
Не хотелось
Спустя года опять лететь домой.
Ведь память по себе сама гуляет,
И ей не нужно Крымского моста,
Где было раньше множество лотков,
Картины, бижутерия и сумки,
И знала я, как нанести узор
Машинкой-выжигателем по коже.
Но я лечу. И дома никого.
Родителей своих почти не помню,
Отнюдь не потому, что сирота,
А потому, что роль их в моей жизни
С младенчества уменьшилась настолько,
Что я ее почти не замечаю,
И лишь воображение порой
Рисует прошлого приятные картины.
Родителей уж нет. Как хорошо,
Что не была я на похоронах.
Итак, я дома. По уши в дерьме,
С болезнью, те парнишки постарались,
Чужая и коллегам, и стране,
Но деньги есть. И я жилье купила.
Подумав, продала родительскую двушку,
В квартире новой завела комфорт

И спать легла. Искать работу скучно,
Однако же придется. Документы
На пенсию подать. Купить одежду
И пиццу, как хотелось, заказать.
Повешенного доля не сложна:
Болтайся в небе да звени под ветром.
Живи, как можешь. Если можешь жить.
Я не курю и алкоголь не пью.
Наркотики когда-то я любила,
Но очень плохо их переносила.

Пока идет вокруг война понтов,
Я выберу Мурзилку из котов.
Война понтов по всей земле надолго.
А люди умирают. Очень много.
Идет война, а я купила свитер.
Спросила по-немецки: роттен, битте.
Идет война, а я вернулась в мир.
Нелепость. И что я за пассажир.

7

Финал

Жизнь завершается. И снова при войне.
Тому, кто лет под сотню прожил, можно
Сказать, что от войны и до войны.
А я мала как в полдень тень. Конечно,
Афганистан, Чечня и много что еще
Отгружено ровесникам в достатке.
Но я мала войне, и потому
Вся жизнь моя, с ее работой странной,
Не весит ничего для той войны.
Почти калека, в интернет смотрю,
И губы округляются бесшумно.
Жизнь тяжела. И будто нет ее.
Не глядя в небо, дикая молитва
Сама собой корявится внутри.
Ты, Господи, все сразу это видишь.
Зачем, зачем, зачем все это есть?
Беспомощность, нелепость и случайность
Всего во всем? Зачем вся эта злость,
В которой места нет для человека,
Которой даже зверь гнушаться станет?
Зачем несообразность опозданий?
Ведь мне бы раньше все, что есть теперь.
А посмотреть – так ничего и нет.
Зачем так жадность стала осторожна,
Хотя не счесть ее подачек мерзких?
Какое отношение имеет
Священное библейское начало
К религиозной нашей пропаганде,

Вдобавок бестолковой и болтливой?
Что тут за власти, без стыда и силы,
Что тут за семьи, где изгои – дети,
Что тут за дети, что кричат как звери,
Что за друзья, которых будто нет?
Зачем тогда нужна была моя работа
И это появление на свет
Открытой, ловкой, умной и подвижной?
Что от меня осталось? Жизнь ушла,
Осталось лишь холодное дерьмо,
Да нищая без смысла ежедневность.
Зачем весь этот мир? Не отвечает Бог.
Когда пришло гонение на церковь,
Мыть нужники и прочее – входило
В часть мученичества и воспринималось
Как тайное служение Христу.
Но нынче нет режима. Пропаганда
То об одном, то о другом кричит,
И непонятно: нужно заработать
Или все деньги нищему отдать.
Здесь трата сил, и средств, и вдохновений
Не принесет плода. И вот теперь война
Хотя бы некий смысл рождает с кровью.
Но что мне до войны. Меня уж нет.
Я доживаю маленькие годы
Не голодом, ни холодом, ни злом,
А просто так. А я еще могла бы.
Но некому вконтакте написать,
И дзен каналов полон официальных,
И некуда стучаться. И просить
Мне нечего и незачем. Как быть?
Того ли ты, мой Господи, хотел,
Меня с моей работой создавая?
Ответа не дает. Его рука
Порой мрачна, как снеговые тучи.
И ведомо Ему глубокое родство
Священника с красноармейцем
И инфлюэнсера с последней нищетой.
Смотрю в стекло и вижу отражение
Своей страны. А своего не вижу.
Однако пользы что себя нести
Коробочкой винтажной музыкальной.
Но жизнь прошла. Что дальше делать мне?